

В.Я. Петрухин

РУСЬ в IX–X веках

От призвания варягов
до выбора веры

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41
ПЗ0

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН

Рецензенты:

*С.А. Иванов — доктор исторических наук, профессор;
Е.А. Мельникова — доктор исторических наук, профессор*

Петрухин В.Я.

ПЗ0 Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. —
3-е изд., испр. и доп. / В.Я. Петрухин. М. : НЕОЛИТ, 2017. — 464 с.

ISBN 978-5-9908630-1-9

Книга посвящена проблеме формирования Русского государства в геополитическом контексте политических и этнокультурных процессов, проходивших в Евразии в конце I-го тыс. н.э., начиная с расселения славян. Особое значение придается исследованию исторических основ летописных известий о первых русских князьях, начиная с легенды о Кие и призвании варягов.

Становление основных феноменов начальной русской государственности — городов, государственного права и культа, искусства — рассматривается с учетом взаимодействия разных этнокультурных традиций в Восточной Европе. Завершающий сюжет книги — выбор веры, характеристика начального русского христианства и отвергнутого язычества.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-9908630-1-9 © Петрухин В.Я., 2012, 2014, 2017
© Издательский дом «НЕОЛИТ», 2012, 2014, 2017

Введение

Наука истории
и миф о происхождении народа:
потомки Ноя и потомки
«змееногой богини»

В древнейшем из дошедших до нас в рукописной традиции памятнике русской словесности — «Слове о Законе и Благодати», проповеди, составленной Иларионом (будущим русским митрополитом) в первой половине XI века, новокрещеный русский народ именуется *новым*. Это восприятие народа, принявшего крещение в «последние времена», как нового, наделенного особой Благодатью, было свойственно христианской историософии: новый народ получал преимущество перед древним — «ветхим», Закон которого («Ветхий Завет») отошел в древнюю историю, точнее, предысторию нового христианского мира (Топоров 1995. С. 259 и сл.). Так младший сын библейского праотца Авраама Исаак получил преимущество перед первородным сыном рабыни Агари Исмаилом (см. издание «Слова» Илариона — БЛДР, т. 1).

Начальная русская летопись — «Повесть временных лет» (ПВЛ) воспринимает ту же историософию: описание крещения киевлян в 988 г. завершается цитатами из апостола Павла и пророка Исайи — «Ветхая мимоидоша, а се быша новая», крещеные — «новии людье хрестьяньстии, избрании Богомъ» (ср.: БЛДР, т. 1. С. 32; ПВЛ. С. 54). Другая цитата из Исайи у Илариона: «Работающимъ ми наречется имя ново» — соотносится с историческим известием ПВЛ о том, что Русь, Русская земля, стала прозываться с началом царствования византийского императора Михаила III (неточно датированного в летописи 852 г.; ПВЛ. С. 12). Имя Руси действительно воспринимает-

лось как новое в греческой (византийской) историографии (о чем пойдет речь в главе II).

В эпоху петровских реформ, завершивших русское средневековье, первый светский поэт Антиох Кантемир также провозгласил русский народ новой эпохи новым, обновленным после петровских нововведений. При этом разрушитель древнерусской средневековой культуры — Петр сопоставлялся Феофаном Прокоповичем с одним из ее творцов — Владимиром Святым: тот и другой были просветителями Руси / России (ср.: Лотман 1996: 86)²³.

Новый народ и его крещеная страна включались во всемирную историю. Как христианский Бог был «познан всеми концы земля» (цитирует Исайю Иларион), так и Русская («Руська») земля «ведома и слышима есть всеми четырьмя концы земли» (БЛДР, т. 1. С. 42–44). Даже языческие предки Владимира Святославича, князя Святослав и Игорь Старый прославлялись Иларионом за «мужество и храбрость» и включались в историю нового народа. В пьесе петровского времени с характерным названием «Слава российская», посвященной Петру Первому, «из неславы славу российскую сотворившаго», говорится, что слава новой империи «мало не во вся концы вселенныя гласящи пролетела» (Ранняя русская драматургия: 265–257).

Иной была культурная установка книжников, отмечающих конец той или иной эпохи. Так, составитель Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛ. С. 103–104) в предисловии, составленном во время монгольского нашествия в XIII в., вспоминал о «древних» русских князьях, расширивших Русскую землю; сравнивал Киев, основанный легендарным Кием, с Александрией, основанной Александром Македонским, и с Римом, созданным «царем Римом» (Ромулом). Эта конструкция основывалась на традициях средневековой греческой (византийской) хронографии, известной и на Руси (см. о Риме — ЛЕР, т. II: 22). Возведение рода Рюриковичей к Августу в «Сказании о князьях Владимирских» в XVI в. соответствует традициям средневековой генеалогии централизованных государств с их имперскими амбициями, хотя безосновательность генеалогических претензий Ивана Грозного вызывала неприятие уже у средневековых авторов (ср.: Мыльников 1996. С. 214–216; Бычкова 1997).

---

²³ В эпоху средневековья, когда Россия очередной раз стояла перед «выбором веры», после Флорентийской унии, воспринимавшейся как отказ Византии от православия, русские книжники именовали Василия Темного «новым Владимиром» и «новым Константином», «боговенчанным царем», сохранявшим православие в отличие от императора (царя) Византии (Успенский 1994, т. 1. С. 259–260).

Конечно, у всякого народа, признающего Священное писание, была возможность усматривать свои корни в глубокой древности — во времена разделения «языков» (народов) при строительстве Вавилонской башни, но немногие народы Европы могли напрямую увязать свою историю с Ближним Востоком. Они, безусловно, могли считаться потомками сыновей Ноя, но при посредстве специальных ученых генеалогий (о такой генеалогии ПВЛ в отношении славян пойдет речь в главе I). Русский филолог А.М. Панченко называл такой архаический подход к истории «эхом» вечной (священной) истории (Панченко 1976. С. 62). Владимир Святославич, крестивший Русь, мог сопоставляться в ПВЛ с Константином Великим и библейским Соломоном, но его род не возводили ни к императору Рима, ни к библейскому царю. Новые генеалогии, создававшиеся для династий, монархически правящих своей страной, при всей их кажущейся примитивности, знаменовали новый подход к истории. «Если прежде история определяла судьбу человека», то в канун нового времени «человек предъявил свои права на историю, попытался овладеть ею» (Панченко 1976. С. 65).

Отсутствие упоминаний Руси в древней истории превращалось путем древнерусской христианской экзегезы в особое достоинство «нового народа». В западославянской средневековой традиции, знакомой с опытами латинской хронографии, по образу библейской легенды о трех сыновьях Ноя была составлена книжная легенда о трех братьях: Лехе (первенце), Русе и Чехе (Великопольская хроника, XIV в.) — предках славянских народов, происходящих из Паннонии потомках Пана и некоего Слава, бывших, в свою очередь, потомками библейского Иафета («Великая хроника»: 52–53). Представление о Паннонии — римской провинции на Дунае, которую заселяли славяне, а в X в. заняли венгры — было близко древнерусской традиции: ПВЛ выводила славян с Дуная, где во времена составления начальной летописи была Угорская — Венгерская земля.

Но «Повесть временных лет» была чужда подобных конструкций, ведь Русь была для нее «новым народом». Из патронимических имен восточнославянских племен вятичей и радимичей летопись еще выводила «от ляхов» родоначальников Радима и Вятко, но они не были предками целых славянских народов. В чешской, а затем и польской историографии XV–XVII вв. распространились представления об особом месте славянского мира в античной древности: славяне не были покорены Александром Македонским, завоеватель должен был признать власть славян на севере Европейского континента от Ледовитого океана до Итальянских краев, дав им грамоту («привилегию»); уже в XV в. был известен латинский архетип «грамоты».

Варианты этого «Александрова дара» получили разную редакцию у разных авторов. Польский книжник Оржеховский (1554) упомянул в грамоте трех полководцев Александра — Чеха, Леха и Роксолана; последний воплощал Россию (потомки Ноя Великопольской хроники здесь историзированы, превращены в полководцев, неведомый античным источникам Рус заменен Роксоланом — эпонимом сарматского союза племен, известного в Восточной Европе с начала н. э.).

В латинском варианте «грамоты» «привилегия» дается «роду Славян (*genti Slavorum*) или Мосхов» — «славному русскому роду» (*glorioso stemmati Ruthico*), чья власть распространяется от Варяжского до Каспийского моря. Три вождя этих Мосхов носят вызывающие недоумение с точки зрения славянской антропонимии имена Великосан, Хасан и Хауассан (уже Юрий Крижанич, хорватский книжник на русской службе, усматривал в них не славянские, а татарские имена — см. его сочинение «Политика», написанное в 1663–1666 гг.; Крижанич 1997. С. 373–374)²⁴. Вступительная ремарка к «привилегии» гласит, что она «извлечена из рукописных анналов этих самых Мосхов». Мосхи, со времен Страбона известные в Армении, в средние века стали ассоциироваться с библейским потомком Иафета Мосохом и жителями Московского царства. Эти конструкции не могли не вызывать интереса русских книжников уже в XVII в. (подробный анализ истории знаменитого фальсификата — Александровой грамоты см.: Мыльников 1996. С. 45–94)²⁵.

Переориентация привилегии Александра со славянского мира на Московию выдает русские истоки цитированного латинского текста. А.С. Мыльников предположил, что этот текст был составлен по-латыни Себастианом Главиничем, побывавшим в Московии в составе австрийского посольства и подготовившим «Донесение о Московии и москвитях» (ок. 1665 г.) (Мыльников 1996. С. 69–70). В древнерусской традиции близкий текст сохранен Мазуриным летописцем последней четверти XVII в., где пределы власти русских князей определяются «от моря Варяжского даже до моря Хвалынского» (ПСРЛ, т. 31. С. 13), в соответствии с древнейшей географической

---

²⁴ Неясно, на основании какой «рукописи нач. XVIII в.» норвежский исследователь Х. Станг (2000. С. 41) признает эти имена весскими (словене, переместившиеся на Белоозеро, «стали называться Весью»).

²⁵ Знатоки библейских текстов давно обратили внимание на нелепость этих ассоциаций: Мосох / Мешех ассоциировался в Библии с варварским народом. Царь Давид сетует в псалме 119 (5): «Горе мне, что я пребываю у Мосоха, живу у шатров Кидарских» (ср.: Гендерсон 2006. С. 20, сн. 1).

номенклатурой ПВЛ, где Каспийское море именуется Хвалынским. Синопис 1674 г., использующий «грамоту Александра», объявляет Мосоха «прародителем славеноросским».

Относительно ранним текстом (составлен не позднее начала 1640-х гг.), синтезировавшим идеи древности «славеноросского народа», мотив прародителей разных народов — потомков Ноя и «грамоту Александра», стало так называемое Сказание о Словене и Русе. Очевидно, сказание было составлено в Новгороде, ибо его зачин — «Написание о зачале в Славенорустей земли первоначального Великого Новгорода» отсылает к древней новгородской традиции, введению к Новгородской первой летописи. Сказание наследует и традицию, донесенную ПВЛ: в Начальной летописи Северное Причерноморье, где расселяются славяне — потомки Иафета, именуется по византийской и античной традиции Великой Скифией. Это давало возможность составителю Сказания о Словене и Русе объявить прародителей средневековых народов Восточной Европы — братьев Словена, Руса, Болгара (здесь — предка волжских болгар), Комана (предка куманов-половцев), Истера (в имя предка было превращено греческое название важнейшей для начальной истории славян реки — Дунай; см. о дунайцах в главе I) и хозар (козары / хазары Начальной летописи) — относящимися к роду Скифа, правнука Иафета.

Научные концепции, увязывающие славян со скифами, дожившие до историографических конструкций XX в. (у Л. Нидерле, Б.А. Рыбакова и др.), имеют позднесредневековое происхождение. Но конструкция Сказания и его датировки далеки от исторических реалий и скифской эпохи, относящейся к I тыс. до н.э.: в Сказании Словен и Рус оказываются со своими народами на севере Восточной Европы из-за распрей между потомками Скифа в 2409 г. до н.э.

На севере деятельность Словена и Руса Сказание связывает с древними топонимами и городами: от сестры легендарных братьев прозвалось озеро Илмерь (Ильмень), река Волхов получила название от сына Словена, сам же Словен построил Великий Словенск, ставший Новгородом; Русу приписывается основание Старой Русы. Согласно Сказанию, Волхов, название которого ассоциировалось с волхвами / волошбой, почитался язычниками как Перун — с этим именем славянского громовника увязывалось название урочища Перынь на реке Волхов (эта народная этимология вдохновляла исследователей на поиски языческого святилища на Перыни). Потомки Словена и Руса покорили весь север до Ледовитого океана и Зауралья — Сибири, а вместе с сородичами — болгарами и скифами контролировали земли до

Дуная. Александр Македонский пожаловал им грамоту на владение землями «от моря Варяжского до моря Хвалимского».

Завершается новгородская редакция Сказания о Словене и Русе сюжетом из Сказания о князьях Владимирских: Гостомысл, правивший в возобновленном после запустения Новгороде / Словенске, советует призвать «самодержца» из Прусской земли «от рода Августова»; в Новгород является «курфистр и князь великий» Рюрик. Исследователи Сказания о Словене и Русе (Буланин, Турилов 1998) указывают, что Сказание следует конструкции легенды о Чехе, Лехе и Русе Великопольской хроники, возвышая роль Руса как прародителя славянских народов. «Грамота» Александра также заимствована Сказанием из польской традиции — из Хроники Мартина Бельского (русский перевод 1584 г.).

Сказание о Словене и Русе вместе с «грамотой» Александра распространяется в книжности XVII в. не только на Севере. Густынская летопись, составленная в Густынском Троицком монастыре Полтавской губернии, в рассказе о происхождении Словенского народа в большей мере ориентирована на южную — балканскую предысторию *Славян* (летописец употребляет этот этноним) или Руси. Эта летопись возводит славян к библейскому Мосохи — Москве, от каковой происходят «все Самарты (Сарматы. — В. П.), Русь, Ляхи, Чехи, Болгаре» (ПСРЛ, т. 40. С. 12–13).

Славяне произошли от смешения потомков Мосоха с потомками другого яфетиды — Рифата, сына Гомера и внука Иафета²⁶. Библейская родословная соединяется здесь, как и у польских историографов, с позднеантичной латинской традицией, где предками славян считались венеты / венецы (см. главу I). С венетами сближались древние енеты, упомянутые еще Гомером как союзники троянцев: из-под Трои они отступили в Иллирик на Балканы и далее к Венедицкому морю, где и основали город Енецию / Венецию. Они же заселили Северное Причерноморье, прозавшись Сарматами или Аланами по имени своего воеводы «Аляна». Летописец прямо ссылается на западнославянские источники своего повествования о енетах — предках славян (ПСРЛ, т. 40. С. 14), именуя расселившихся в Причерноморье енетов «Роксоляны, аки бы Русь и Аляны». Балканская история славян в Густынской летописи имеет особое значение: славяне брали дань с самих македонян, «дар Александра» приобретает «историческую» обоснованность; «грамота

---

²⁶ Библейские генеалогии тиражируются и в современной болгарской историографии, где болгары, как потомки Сима (семиты!), возводятся, однако, к восточноиранским предкам — несемитам (ср.: България 2001, 1–5).

та» Александра в Густынской летописи также восходит к хронике Мартина Бельского (ср.: Мыльников 1996. С. 84, 88).

Исторические основания Александровой грамоты заботили современников фальсификата: книжники предпринимали попытки отыскать греческий оригинал грамоты (латинские тексты не подходили в качестве доказательств подлинности документа), в эпоху Ренессанса особую роль приобрели археологические (эпиграфические) свидетельства — распространены были слухи о жертвенниках и алтарях Александра. С. Герберштейн еще в начале XVI в. безуспешно пытался обнаружить их на Дону — древнем Танаисе (Герберштейн 1988. С. 137). Даже кости мамонта, обнаруженные у знаменитой палеолитической стоянки Костенки под Воронежем, были восприняты как останки слона, принадлежавшего армии завоевателя. Доходило дело и до утверждения о славянском происхождении самих Филиппа и Александра (Мыльников 1996. С. 85–87)²⁷.

Иным был взгляд на деяния Александра с Востока. В знаменитой поэме персидского автора Низами «Искандер-наме» (1201) Искандер-Александр отправляется в поход на Китай, но узнает, что полчища русов разграбили Азербайджан (в исламском мире помнили разрушительные походы руси на Бердаа в 944 г.), и вступает с ними в бой. В «Искандер-наме» — книге, опирающейся на достижения классической восточной географии X в., русы, а с ними хазары, аланы, бургасы и прочие племена Восточной Европы X в., живущие за Кавказским хребтом по дороге в землю библейских Гога и Магога (Яджудж у Низами), — варвары, обликом напоминающие демонов, или, скорее, мифический народ с песьими головами — песьеглазцев, кинокефалов античной традиции (см. главу 3, параграф 1). Одного из них — демонического вида воина — русы выпускают против Искандера, но герой заарканивает чудовище.

Русы были побеждены, прирученный героем демон приводит в дар красавицу-китайку (см. рис. 1, цв. вкл.), но более всего восточных поэтов (как и купцов) впечатляют русские меха — соболя и бобры (см. Зайцев 2003). Благородный Искандер освобождает «шаха русов», и тот признает его власть. Когда Искандер отправляется в страну Мрака в поисках напитка

²⁷ К анекдотическим сюжетам в историографии относится конструкция Б.А. Рыбакова, призванная определить хронологическую глубину памяти славянского фольклора: «чудище хоботисто», с которым должен сражаться герой русской сказки на калиновом мосту, — воспринимается автором как мамонт, попадающий в палеолитическую ловушку (Рыбаков 1981. С. 131–132); автор не обратил внимания, что в архаической русской традиции слово «хобот» означало хвост (в древнерусских текстах — хвост мифического змея).

бессмертия, он создает город Болгар на Волге. Возвращается он через страну русов и достигает своей столицы Рума на кораблях. В своем следующем странствии к краю света Искандер воздвигает стену, отделяющую дикий народ яджудж от народов мира. Стена простоит до Судного дня (см. о стене Александра в более ранней иранской традиции: Harmatta 1996).

С развитием исторической науки в эпоху Ренессанса, естественно, зарождался и скептицизм в отношении фальсификатов: разные авторы отмечали, что славяне неизвестны источникам времени Александра (эпохи эллинизма). Уже упомянутый Юрий Крижанич призывал не верить постыдным «басням» «придворных баятелей» о скифском происхождении славян, об Александровой грамоте и Гостомысле, «не искать славы в лживых и всеми народами осмеянных и оплеванных баснях о роде Августа и не называть себя потомком монахини Сильвии и распутной богини Афродиты» (Крижанич 1997. С. 373–380). Традиция критического отношения к текстам эпохи Ренессанса — позднего средневековья была продолжена первым российским историком В.Н. Татищевым, характеризовавшим Александрову грамоту как «подложную» (Татищев, т.1. С. 311; ср. Бойцов 2016)²⁸. Но поиски «славы» в «лживых баснях» продолжались, особенно в официозной историографии начиная с Патриаршего летописного свода 1652 г. и Синописа 1674 г. и, конечно, в последующих фальсификатах — от текстов Сулакадзева до «Влесовой книги» (ср.: Буланин, Турилов 1998. С. 446; Мыльников 1996. С. 93–94).

Синописис имел особое значение для последующей российской историографии: его составитель Иннокентий Гизель воспринял польскую традицию, возводившую славян к сарматам с соответствующими конструкциями о «народе роксоланстем» — славеноросском; праотцем же славеноросского — московского народа (праотцем «всей Руси») считался библейский Мосох (построения о Роксолане и Мосохе заимствованы в польской историографии — ср.: Карнаухов 2000; Гизель использовал и Густынскую летопись). Эти конструкции были достаточно бессвязными, обнаруживающими противоречия в претензиях Польши на всю «Сарматию» от Балтийского до

---

²⁸ Ничего общего не имеют с исторической критикой текстов конструкции адептов «новой хронологии», наслышанных о ренессансных подделках. Напротив, А.Т. Фоменко и его последователи возвращаются к средневековым методам интерпретации источников, что развязывает им руки для мультипликации народно-этимологических и хронологических фантомов (см.: История и антиистория. М., 2000). Ср. примыкающие к фоменковским методы реконструкции древнейшей русской истории на основе средневековых генеалогий, конструкций Синописа, Ломоносова и т. п. у А.Н. Сахарова, В.В. Фомина и других эпигонов традиционного антинорманизма (Мельникова 2009). См. также: Котляр 2000; Chekin 2003; Петрухин, Каменецкая 2008.

Черного моря и Московского государства на Восточную Европу. Москва претендовала на роль древнего центра славянского мира (Синописис: 59–60).

Естественно, Иннокентий Гизель, архимандрит Киево-Печерской лавры, не мог проигнорировать роль Киева и мотивы начального летописания, зародившегося в его монастыре на рубеже XI и XII вв. Специальные разделы он посвятил рассказу «о преславном верховном и всего народа российского главном граде Киеве» (Синописис: 12). Гизель привел летописную легенду о благословении Андреем Первозванным киевских гор, о поселении на горах Кия, Щека, Хорива и сестры их Лыбеди, создавших там города; дал и точную дату основания Киева — 431 г.

Гизель следует ПВЛ, за исключением даты и характерной перемены этнической атрибуции основателей Киева: в ПВЛ они названы полянами, Гизель же именует их князьями «российскими» или россами (Синописис: 66). Здесь составитель Синописиса следует не столько конструкциям Начальной летописи (летописец начала XII в. констатировал, что поляне в его времена зовутся русью: см. об этом далее — в главе 6), сколько польской средневековой историографии. Восточные славяне в польской историографии, как уже говорилось, считались потомками Руса, брата Леха и Чеха. Ян Длугош в Хронике второй половины XV в. изобразил Руса потомком Леха, что давало Польше «историческое» право главенства в Восточной Европе, особенно в Киеве, заселенном полянами, которых польский хронист отождествлял с поляками (Флоря 1990; Щавелева 2004. С. 218).

Гизель констатирует иную историческую реальность: Киевом правят московские — российские государи, наследуя власть древнерусских князей, начиная с Игоря Рюриковича. Легенду о происхождении Рюрика, использованную Гизелем в редакции «Сказания о владимирских князьях», этот автор также трансформировал по западному образцу, настаивая на балтийско-славянском происхождении варягов²⁹. Эта конструкция привела, как обычно, к невразумительному изложению истории: «иные» (не киевские, а новгородские) россы по совету Гостомысла призывают варяжских (славянских по языку) князей, но в изложении Гизеля сохраняется их атрибуция, характерная для русской книжности XVI в.: три князя происходят «от Немец» (Синописис: 68), но не от славян.

Синописис, остававшийся учебником русской истории на протяжении всего XVIII в., как и польская историография, оказывал сильнейшее вли-

²⁹ Гизель ссылаясь на германского историка и богослова начала XVI в. А. Кранца, который сближал немцев и славян, но считал германцев прародителями славян (Мыльников 1995. С. 39–41).

яние на развитие российской историографии и в период становления российской исторической науки, связанный с петровскими реформами и приглашением в Санкт-Петербург из Пруссии немецких ученых Г.З. Байера и Г.Ф. Миллера. Байер, обратившийся к исследованию истоков русской исторической традиции — варяжской легенде Начальной летописи, писал, что «баснь» о происхождении Рюрика от Августа была «достойна тогдашнего (средневекового) ума» (см. анализ историографии — Соколов 2015).

Его последователь В.Н. Татищев, первым предпринявший сравнительное исследование летописных сводов, указывал, что «в старых хрониках сего, чтоб род Рюриков от прусов и от цесарей римских пошел, нет» и предположил заимствование легенды из польско-литовской традиции (Татищев, т. I. С. 291, 293)³⁰. Татищев приводит традиционные библейские генеалогии народов (от Ноя) как «баснословные». Впрочем, он следовал и устоявшимся историографическим стереотипам и предполагал иранское (сарматское) происхождение имени *русь* (Татищев, т. I. С. 287), равно как имен Киева и его основателей (Татищев, т. IV: 391). Вслед за Г.З. Байером Татищев принимал и средневековую интерпретацию термина *варяг*, сближая его с именем славянского племени *вагры* на Балтике. Правда, Байер настаивал на его скандинавском (германском) происхождении (ср.: Татищев, т. I: 303).

Тем не менее это был шаг к преодолению средневековых стереотипов в историографии. Продолжатель исследований Байера и Татищева, Г.Ф. Миллер, планировавший «исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве» (Миллер 1996. С. 15 и сл.), столкнулся в своих исследованиях со сложностями отнюдь не историографического характера. Генеалогия относилась к традиционным областям исторической науки, и Миллер, занимавшийся генеалогией Рюриковичей,

---

³⁰ См. о вероятном воздействии польско-литовской традиции на древнерусскую (Флоря 2009). Польский историк начала XVI в. М. Меховский в «Трактате о двух Сарматиях» отождествлял Россию с Роксоланией и писал о Литве: «Старинные историки, рассказывая о древности, говорят, что некие италийцы, оставив Италию из-за несогласия с римлянами, пришли в землю Литовскую и дали ей имя родины — Италия, а людям — название италы; у позднейших земля стала называться, с приставкой буквы л в начале, Литалия, а народ литалы» (Меховский: 99). Еще в более ранние времена, во второй половине XII в., польский хронист В. Кадлубек восславлял польских правителей, которые одерживали победы над Александром, Юлием Цезарем и скифами (Липатов 1999. С. 273). Современные исследователи (ср.: Шукин 1998) пытаются соотнести подобные конструкции с данными о Янтарном пути, известном с античных времен и ведущем из Италии в Прибалтику; легендой позднейших «западнорусских летописей» о римлянине Палемоне, якобы бежавшем в Литву от преследований Нерона с пятьюстами шляхтичами и осевшем на Немане, и т. п. (ПСРЛ, т. XVII: стб. 228–230).

получил на отзыв поданное в Сенат «Родословие» великих князей, составленное любителем истории, возводившим к Рюрику правящую династию Романовых. На отрицательный отзыв Миллера последовали донос и разбирательство в Сенате (см. Каменский 1996. С. 179 и сл.; Клейн 2008. С. 15–24).

Но увлеченного Миллера не остановили интриги: по случаю тезоименитства Елизаветы Петровны он решился подготовить речь «О происхождении народа и имени российского» для произнесения в Академии в 1749 г. Изучение источников, в том числе летописных, по проблеме происхождения славян привели историка к справедливому выводу о расселении славян с Дуная не ранее эпохи Юстиниана (VI в. н. э.). Этот тезис противоречил архаическим представлениям о глубокой древности славян. Миллер обосновал также скандинавское происхождение имени *варяг* (верно указав, что это не племенное, а нарицательное имя). Наконец, он следовал традиции Начальной летописи о тождестве руси и варягов: первые русские князья имели скандинавское происхождение. Последний тезис был весьма несвоевремен (см. анализ историографической ситуации у В.О. Ключевского — т. VII. С. 189 и сл.; Клейн 2008. С. 15 и сл.): Россия продолжала соперничать со Швецией на Балтике. Академическая комиссия, в которую входили Тредьяковский и Ломоносов, не допустила Миллера к выступлению с его речью (текст был уничтожен методами средневековой инквизиции).

М.В. Ломоносов аргументировал неприемлемость речи Миллера: академик не должен был вдаваться в спорную материю и обязан был использовать случай для восхваления «славянского народа». Этот случай Ломоносов относит к скифской эпохе: если скифы, отразившие самого Александра Македонского (знакомый мотив!), не выстояли против славян, которые заняли их земли, то здесь и следовало восхвалять славянскую славу (Ломоносов 2003. С. 446–453). В своей полемике с немецкими академиками Байером и Миллером Ломоносов использовал и довод, который не могли игнорировать власти. Историки не верили в историчность летописной легенды о миссии апостола Андрея на Руси, это задевало интересы православной церкви и официальных институтов государственной власти — статус ордена Андрея Первозванного, что было «всего несноснее» для Ломоносова (Ломоносов 2003. С. 455).

В «Рапорте» М.В. Ломоносова в канцелярию Академии используется старая кабинетная этимология — отождествление имен *россияне* и *роксоланы*. «Славяне и сарматы был один народ» (поэтому под своим именем ни славяне, ни русь, ни роксоланы с VI по IX в. н. э. не упоминались — они именовались сарматами) и т. д. вплоть до конструкций Синописа о славянском

происхождении Рюрика. То обстоятельство, что русские книжники и даже Иван Грозный утверждали, что Рюрик (и его династия) — «от Немец», Ломоносов преодолевает при посредстве народной этимологии: они пришли от реки Немана, то есть из той же Пруссии «Сказания о князьях Владимирских». В этих обличениях немецких академиков («недоброхотства ученых иноземцев») еще нет терминов «норманнская теория», «норманизм» (они распространились в XIX в.), но обвинение в том, что исследователи древнейшей летописной традиции стремятся принизить славу древнего славянского народа, и стремление подменить летописные известия о варяжском происхождении руси средневековыми этимологиями (россияне / роксоланы и т. п.) с этих пор стали свойственны для «антинорманизма».

Расправившись с Миллером и получив место придворного историографа, Ломоносов приложил немало усилий для того, чтобы обнаружить «дальнюю древность славянского народа»: широкое расселение славян в Европе позволяло ему усматривать в ареале славян грядущие границы Российской империи. Ломоносов был адептом «сарматской теории» происхождения славян, и проблемой для него, как и для средневековых историографов, было совмещение античной ученой традиции и библейской генеалогии народов. Ломоносов преуспел и в этом конструировании древней славянской истории, возведя (вслед за польскими историографами) славянских венетов (сарматов) Европы к енетам, участникам троянской войны в Азии³¹, что облегчало соотнесение последних с мосхами Страбона и библейским Мосохом (Ломоносов 2003. С. 30–37). Реанимация средневековых стереотипов вызвала критическую оценку С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, суровую оценку ей дал и В.Г. Белинский: Ломоносов «взялся явно не за свое дело», сведя изложение русской истории к «пустой риторике» (Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 9. С. 196).

«Дальняя древность славянского народа» нужна была для обоснования имперских исторических претензий, как сарматская теория — для обоснования претензий Москвы или Речи Посполитой. Историографическая парадигма изменилась в конце Средневековья: русь — «новый народ» Илариона и Начальной летописи должен был стать древним, «античным», вос-

---

³¹ Эти традиции сохраняются по сей день в научной и учебной литературе: даже в учебнике МГУ им. М.В. Ломоносова (История России с древнейших времен до конца XVII века / Под ред. Л.В. Милова. М., 2006, с. 38 и сл.) говорится о проникновении славян в Европу из Малой Азии в III тыс. до н.э. Их соседями в Европе были сарматы. У эпигонов историографии Ломоносова сохраняется и чисто апологетическое отношение к его сочинениям (ср. Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006).

ходящим, по крайней мере, к той эпохе, когда народы Восточной Европы приняли участие в событиях всемирной истории — к скифской (скифо-сарматской) эпохе.

Геродот, включивший скифов во всемирную историю (и создавший науку всемирной истории), передал скифское предание: «Как утверждают скифы, из всех племен их племя самое молодое» (Геродот IV, 5). Далее следует миф о рождении трех первопредков скифов от первого человека Таргитая, сына Зевса (скифского Папая) и дочери реки Борисфен (Днепр). От братьев Липоксая, Арпоксая и младшего Колаксия произошли все скифские племена. Геродот уже не вполне доверял мифу, но привел понтийский греческий вариант этногонии скифов: Геракл, совершая один из подвигов (угоняя коров Гериона), уснул в холодной Скифии, завернувшись в львиную шкуру; кони из его колесницы были похищены обитавшей в пещере девой со змеями вместо ног. Змееногая богиня обещала вернуть коней, если герой вступит с ней в брак. После соития она предрекла, что родит трех сыновей, им Геракл оставил свои лук и пояс. Тот, кто сможет натянуть лук и препоясаться, должен править страной. Лук смог натянуть младший брат Скиф, от него ведут свой род скифские цари.

Этногонический миф скифов проанализирован Д.С. Раевским (2006): этногония начиналась с космогонии (ср.: Элиаде 1987), брака земли и неба (Геракл был сыном Зевса, змееногая богиня в пещере символизировала хтонический мир); три брата в индоевропейской традиции воплощали сферы космоса (библейская параллель позволяет считать этот сюжет универсальным). Мотив победы младшего брата в состязании за власть позволяет понять, почему Геродот приписывал скифам утверждение, что они — самое молодое племя. В действительности скифская этногония передает архаический миф о происхождении племени от божественного первопредка в центре мифологического космоса (от брака неба и земли). Скорее этому мифу соответствует предание, сохранившееся у позднего римского автора Юстина: «Скифское племя всегда считалось древнейшим; впрочем, между скифами и египтянами долгое время происходил спор относительно древности племени» (Геродот: 207, прим. 139). Племенной автохтонный миф помещает свое племя «настоящих людей» в центр мира, где совершается священный брак неба и земли, бога и хтонического существа (см. работы М. Элиаде, В.Н. Топорова и др.)³².

³² Недопустимо, вопреки летописному тексту о *трех* братьях Кие, Щеке, Хориве и сестре Лыбеди, вычленять Кия и Лыбедь (см. главу II. 1) как пару инцестуозных (?) прародителей полян: имена этих «героев» производны от киевских топонимов, а не наоборот (Щаве-

Этот примитивный миф не удовлетворял уже Геродота, создававшего историю и больше доверявшего преданию, повествующему о вытеснении скифами киммерийцев из причерноморского Боспора (Геродот, IV: 11–12). Всемирная история — взаимодействие народов мира, как варваров, так и эллинов. Так архаический миф из истории (этногонии) трансформировался в этнографию. Автохтонный племенной миф преодолевался в то же время (сер. I тыс. до н. э.) в библейской традиции, где три сына Ноя стали праотцами всех народов мира.

Заметим, что, в отличие от античной и средневековой польской хронографии, ПВЛ не обращается к античному наследию, хотя первым русским летописцам известны были Хронограф по Великому изложению, переводные Хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола: византийская хронография была ориентирована на проблемы соотнесения библейской и античной (римской) истории (см.: Бибиков 1998; Водолазкин 2008)³³. Первые русские книжники отмечали особое достоинство нового крещеного народа. Библейская генеалогия потомков Ноя снимала проблемы мифической древности того или иного народа: все «языки» возникли в начале истории, после Вавилонского столпотворения, и поиски славян среди этих языков, естественно, занимали составителя Начальной летописи (см. главу I). Разыскания о происхождении собственно руси Начальная летопись основывала на преданиях о правлении первых князей, используя династическое предание и «официальные источники», в том числе договоры руси с греками X в.

Изучение официозной историографии в процессе становления исторической науки (методов критики источников) обнаруживало тенденциозность историков, особенно близких правящей элите. Облик «внимавшего равнодушно добру и злу» летописца, созданный А.С. Пушкиным, остался в истории романтической литературы. Знаменитый исследователь летописных сводов А.А. Шахматов писал накануне революционных событий 1917 г.,

---

лев 2007. С. 105–126). Пережитки хтонического (и антропогонического) мифа естественно обнаруживаются в славянской и более архаичной балто-славянской традиции, связанной с представлениями о матери-сырой земле (см. Eckert 1999), змее-любовнике хтонической девы преисподней (Евзлин 1999) и т. п., универсальный сказочный мотив «чудесного супруга» известен многим народам Европы (ср. русскую царевну лягушку, брак с которой связан со специальным испытанием — стрельбой из лука). Ж. Ле Гофф (2000) предположил архаичные истоки европейского средневекового мотива Мелюзины — жены-змеи, образ которой восходит к представлениям о хтонической богине-матери.

³³ В Хронике Малалы библейские допотопные великаны отождествляются с античными змееногими гигантами: «человеки от земля роженны имоща ноги змиины и дръзноюуша на нѣкия босккыя силы, еже нарече змиеногы» (Истрин 1994. С. 20).

что «рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, развертывающимся вокруг него, и лицам, руководящим этими событиями, — оценку религиозного мыслителя, чающего водворения Царства Божия на земельной юдоли — рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы» (Шахматов 2003. С. 538). Не менее скептически звучат слова В.О. Ключевского о варяжской легенде как об историографической конструкции — «очень недурно комбинированной юридически постройке начала Русского государства» в летописи (Ключевский, т. 1. С. 155).

Заметим, однако, что тенденциозность начального летописания, ориентированного на библейскую традицию, принципиально иная, чем тенденциозность позднесредневековых сочинителей. Для первых русских летописцев недопустимым было творение неизвестных Библии потомков Ноя, вроде Леха, Чеха и Руса и т. п. Е.К. Ромодановская, вслед за Д.С. Лихачевым, исследовала историческую природу вымысла в древнерусской историографии, отчасти реабилитируя «романтический» образ летописца. Древнерусскому писателю было свойственно стремление к «правдивости». «Вымысел» был невозможен, пока существовали независимые политические оппоненты и противники (летописание велось в разных древнерусских центрах, с самого начала — в Киеве и Новгороде. — *В. П.*). «Как только Москва подчиняет себе последнее «вольное» княжество — Новгородское, оказывается сломанной система «правдивого» официального летописания. Придворная историография начинает фиксировать лишь то, что необходимо великокняжеской власти и впервые получает возможность вводить «государственный вымысел» (термин Д.С. Лихачева. — *В. П.*) в историю, политическую легенду, публицистику» — речь идет о «Сказаниях о князьях Владимирских», конструкциях, связанных с идеей «Москва — третий Рим», историческом повествовании XVI в. (Ромодановская 1994. С. 61–62; ср.: Прохоров 2010. С. 251–256)³⁴.

Неприемлемым для древнерусского летописца было и обращение к дохристианской мифологической традиции — этногоническому мифу об автохтонах: В.В. Иванов и В.Н. Топоров (1974) реконструировали «основной миф» балто-славянской традиции. Согласно реконструкции, праславы (балто-славянам) был известен миф о женитьбе громовержца (в древнерус-

³⁴ Я.С. Лурье назвал традиции, воплощаемые новгородским и московским летописанием XV в., «двумя историями Руси» (Лурье 1994).

ском пантеоне — Перуна) на женском персонаже, воплощающем землю / воду (в древнерусском пантеоне — Мокошь). В сюжет священного брака вмешивается змеевидный персонаж (продолжением этого персонажа считается древнерусский Волос / Велес), стремящийся похитить супругу громовержца. Потомством этого брачного союза должны были быть люди — славянские племена, подобно скифским племенам — потомкам змееногой богини. Естественно, монах-летописец не мог производить новый народ от древних автохтонных химер, языческая мифология была для него бесовскими «кощунами», славяне были потомками Ноя³⁵.

На поиски библейской генеалогии славян были направлены усилия первого русского историка, составителя «Повести временных лет»³⁶.

---

³⁵ Иная генеалогия предлагается в «Слове о полку Игореве», где «русичи» названы «Дажь-божьими внуками» — потомками языческого бога Солнца; эта конструкция несвойственна древнерусской книжности (см. далее — в главе XI, а также Аничков 2009. С. 407–421). Как уже говорилось (см. сноску 25), змееногие персонажи античной мифологии были известны древнерусским книжникам по переводным византийским хроникам (в том числе Хронике Иоанна Малалы), но и там они относились к доисторической эпохе и были истреблены, не оставив нечестивого потомства. В византийской традиции змееногая богиня стала хтоническим демоном — «Сциллой», чей образ сохранился на амулетах — змеевиках (Коваль 2007).

³⁶ Книга писалась при поддержке проектов: «Хазарский каганат: взаимодействие с Византией, Востоком и Русью по археологическим и письменным источникам» Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории», «История — миф — фольклор: книжные сюжеты в славянско устной традиции» по программе Президиума РАН, в рамках стратегического развития РГГУ (подпроект «Человек в историческом контексте эпохи»).

Глава I

Начало русской истории. Славяне и летописная предыстория Руси

«От сих населились острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих».

Бытие, X, 5

Начальная летопись (в разных редакциях) приступает к повествованию о русской истории со знаменитых слов: «Повесть временных лет, откуда есть пошла Русская земля, и кто в ней почал первее княжити, и откуда Русская земля стала есть» (ср. ПВЛ. С. 7; БЛДР, т. 1. С. 62). Продолжение темы выглядит несколько обескураживающе: «По потопе трие сынове Ноеви разделиша землю, Сим, Хам, Афет». Речь идет не о Русской земле, а о всемирной библейской истории, космографии, описании деления ойкумены между тремя сыновьями Ноя после потопа, когда восточные страны достались Симу, южные — Хаму, северные и западные — Иафету. Лишь в описании части Иафета летописец находит место для словен (славян), а затем для руси, обитающей еще на Варяжском море, на краю ойкумены.

Космографическое введение, не относящееся прямо к Русской земле, кажется «посторонним», тем более что и начинается оно с истории «по потопе», а не от Адама, как начиналось историческое сочинение, на которое ориентировался составитель ПВЛ, — Хроника Георгия Амартола.

Более уместным выглядит введение, предпосланное другому древнему летописному своду, повествующему о начальной истории Руси — Новгородской первой летописи (НПЛ), где речь сразу идет о центрах Русской земли — Новгороде и Киеве, приравниваемом к Риму и Александрии (см. главу II). Составитель НПЛ также пользовался данными византийской

§ 1. «Нарци, еже суть словене»

хронографии (как уже говорилось во Введении, для нее свойственно было соотнесение данных античной традиции с библейской); но космографии — деления земли сыновьями Ноя — своей летописи не предпосылал. Что заставило составителя ПВЛ начать русскую историю с библейской, да еще не с самого Адама, а с потомков Ноя?

Знаменитый исследователь летописных сводов А.А. Шахматов выделил в тексте ПВЛ источник начального летописания, не дошедший до нас в виде отдельного произведения и получивший название «Сказание о преложении книг на словенский язык». «Сказание», очевидно, было составлено в Моравии и повествовало о моравской миссии Константина (Кирилла) и Мефодия, создателей славянской письменности (грамоты). Этому тексту, естественно, был присущ особый интерес к языкам разных народов, поэтому «Сказание» включало библейский рассказ о вавилонском столпотворении и смешении языков (Шахматов 1940. С. 90–91). В ПВЛ рассказ о столпотворении изложен на основании другого (апокрифического) текста (о чем пойдет речь далее), но рассказ о 72 языках, разделившихся с крушением башни, требовал упоминания словенского языка и был включен в кирилло-мефодиевское «Сказание». «От сих же 70 и 2 языку бысть язык словенескъ, от племени Афетова, нарци (норци), еже суть словене» (ПВЛ. С. 8).

§ 1. «Нарци, еже суть словене»

Отождествление славян с нориками — жителями приальпийской римской провинции Норик (к западу от Паннонии)³⁷ на Дунае вызвала оживленную дискуссию. Немотивированность этого отождествления заставила лингвиста Е.А. Хелимского предложить конъектуру: один из отделившихся после вавилонского столпотворения языков — народов был «*наречен* словенами» (*нарци* — ‘то есть’) (Хелимский 2000. С. 333 и сл.; ср. Гиппиус 2002. С. 84–95). Действительно, сама летописная фраза не препятствует такой интерпретации: «нарци, еже суть словене». Однако, смысловой повтор — «нарци, еже суть», равно как и контекст космографического введения, заставляют вернуться к проблеме, поставленной еще В.Н. Татищевым (Татищев IV: 389). Новый ее аспект был выявлен О.Н. Трубачевым (Трубачев 2002. С. 333–334), обратившим внимание на латинскую эпиграфику VI в. св. Мартину Турскому, уроженцу Паннонии, где перечисляются народы, сподобившиеся знамений

³⁷ Систематизацию источников по исторической ономастике см. в кн.: Буданова 2000.

чудес, явленных святым: это «аламанн, тюринг, паннонец, руг, склав, норец, сармат, датчанин, острогот, франк, бургунд, дак, алан» (Свод, т. 1: с. 358; ср. также Авенариус 1993. С. 21).

Сочетание имен *Sclavus*, *Nara* в эпитафии действительно совпадает с летописным. Сам метод идентификации летописцем места славян среди «дунайских» народов указывает, что летописцу мог быть известен источник, содержащий подобный список. Несколько выше отождествления словен с нориками летописец находит место для словен в перечне балканских стран и языков в части Афета, заимствованном из Хроники Георгия Амартола: «Япиронья (Эпир), Илюрик, *Словене*, Лухития, Анъдриокия» (ПВЛ. С. 7) и т. д.

Проблема в том, что заставило летописца дважды (подряд!) отождествлять или сопоставлять славян с разными реалиями. Географического противоречия в этом отождествлении нет: римская провинция Норик в Альпах входила в префектуру Иллирик (летописный Илюрик), как и провинция Паннония и др. Иллирийцами принято называть древнее индоевропейское население северо-запада Балканского полуострова и Адриатики (включая венетов — см. далее), которое подверглось воздействию кельтов, а затем, после римских завоеваний, было романизировано.

Что же касается различия в названиях, то среди балканских стран *словене* поименованы под своим именем, а среди 72 библейских языков — именем *нарицы*. Это различие существенно для ПВЛ и библейской традиции, которой следует летописец. Уже в библейской Таблице народов потомки Ноя упомянуты дважды: один раз — в генеалогическом смысле, другой — в «историко-географическом», по месту расселения (ср.: Петрухин, Раевский 2004. С. 251 и сл.). Переход к географическому «геристру» диктовался здесь образцом Хроники Амартола: ведь там речь шла не о народах, а об областях. Этноним «словене» в перечне потомков Иафета в летописи — очевидная вставка в перечень топонимов балканских областей — вслед за Аркадией, Эпиром и Иллириком: «Аркадъ, Япиронья, Илюрик, *Словене*, Лухития» (ПВЛ. С. 7).

Впрочем, генеалогические списки потомков Ноя и списки 72 народов, расселившихся после столпотворения, различались и в ранних хрониках, которые могли быть использованы «Сказанием о преложении книг на словенский язык». Так, в «Пасхальной хронике» анонимного автора VII в. норики упомянуты в списке 72 народов между жителями Паннонии и Далмации («Пасхальная хроника»: 111; ср. Шахматов 1940. С. 75; Ведюшкина 2003. С. 300–301). В «хронике» они не отождествлены со славянами — традици-

§ 1. «Нарци, еже суть словене»

онная историография не помещала «пришельцев», только появившихся в Альпах, в устоявшиеся историографические схемы.

Противоположным был подход представителей кирилло-мефодиевской и летописной традиции: им необходимо было найти место славян среди народов мира, которым должно быть доступно Божье слово. Параллельно с летописцем этими поисками занимались древнерусские составители комментария к Ветхому Завету — Толковой Палее. В Палее комментарий получили не только словене, но и другие народы, неведомые Библии. В «Афетове роду» помещались, в частности, под номером 1 «галати, иже суть варязи, 2 руми (ромей-византийцы. — В. П.), иже суть греки, 3 армени, 4 норици, иже суть словене» и т. д. В этом перечне нет географической последовательности — смысл списка в другом: четыре народа из списка — греки, «латина», армени, словене — имеют «грамоту» (письменность) (Водолазкин 2006. С. 899).

О варягах, упомянутых в Палее и получивших известность лишь в XI в., еще пойдет речь специально — сейчас вернемся к списку народов в упомянутой эпитафии Мартина: славянам и нарцам там предшествует упоминание ругов (Rugi), германского народа, пришедшего в Норик с Балтики (VI в.) (Томпсон 2003. С. 112–116; ср. Житие св. Северина: 61–64). Имя ругов в соответствии со средневековой традицией (по созвучию) в средние века было перенесено на Русь (рецидивы этой традиции привели к гипотезе об изначальной «дунайской руси» в историографии XIX–XX вв.). Славяне действительно заняли северные области Норика (между Альпами и Дунаем) к VI в. (Slawen in Deutschland. S.: 44–46). Возможно, там они столкнулись не только с германцами ругами, но и с местным романизированным кельто-иллирийским населением, которое именовалось *нориками* (Страбон, VII, I, 5; IV, VI, 9); равно как и с вольками-текстосагами, романизированными кельтами, занявшими в Германии Геркинский лес, который простирался от истоков Дуная до Дакии (Карпат — ср. Цезарь VI, 24–25). Существенно, что кельтский этноним *Volcae* (вольки) послужил основой для праславянского наименования соседних романизированных народов — волохов, влахов (см. далее).

Среднеевропейский регион был той контактной зоной, которая породила много этнонимических традиций. Еще Иордан отождествил готов с гетами — германцы-готы действительно заняли на Нижнем Дунае земли этих иллирийских племен, описанных еще Геродотом. Эта этимологическая традиция распространяется в европейской хронографии XI в., причем традиционные имена как раз «дунайских» народов используются для обозначе-

ния «новых» северных народов: датчанам (данам) приписывается имя иллирийцев-даков, норвежцам (Norwagenses) — имя нориков (Гене 2002. С. 203). Дунай — граница империи — оказывался «архетипическим» регионом не только для славян, но и для народов Балтики. Эти естественные рубежи играли важную роль в становлении самосознания народов Европы.

§ 2. Венеты / вене́ды: историографическая традиция и этногенез славян

Со времени становления славистики (П. Шафарик) проблема этногенеза славян решалась на основе «прямолинейного» понимания одной фразы Иордана (VI в.): «от истока реки Вистулы на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов. Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются славянами (склавенами) и антами» (Свод, т. 1. С. 107). Эта информация напрямую возводится к данным античных авторов (Плиния, Тацита, Птолемея) о венетах / венедах, населявших в I–II вв. Повисельное вплоть до Венедского залива (Птолемей: Свод, т. 1. С. 51) Сарматского океана, то есть Вислинского (?) залива Балтийского моря. Эти венеты и считаются предками антов и склавинов — славян, хотя ни с точки зрения исторической географии, ни с позиций исторической ономастики *венеты* античных авторов не могут однозначно претендовать на роль праславян.

Праславяне не могли обитать на море, так как в праславянском слово **mor'e* относилось скорее к пресноводным стоячим водоемам, болотистым местам (ср. ЭССЯ. Вып. 19. С. 227–230). Ср. характерное утверждение Иордана о том, что «болота и леса заменяют им (славянам) города» (Свод, т. 1. С. 107–109; Корольюк 1985. С. 109–114), и распространенное мнение о том, что болотистый бассейн Припяти был ядром славянской прародины³⁸.

Еще больше проблем возникает с историей этнонима *венеты / вене́ды*, ибо славяне так себя не называли (ср. Свод, т. 1. С. 34; Трубаев 2002. С. 98). Это был этникон (условное наименование), характерный для античной

³⁸ Ср. попытку локализовать славян-венетов в давней статье Д.А. Мачинского и М.А. Тихановой (Мачинский, Тиханова 1976) вдали от моря и гор, несмотря на упоминание Птолемеем Венедского залива и Венедских гор (Восточнопрусское приморское плато? — см. Свод, т. 1. С. 56) и продолжающиеся попытки синхронизировать венетов, антов и склавинов, соотнеся их с культурами, восходящими к киевской — соответственно с колочинской, пеньковской и пражской (Эпоха Меровингов: 125–132).

§ 2. Венеты / вене́ды: историографическая традиция и этногенез славян

историографии. Первоначально он обозначал (со времен Гомера) народ, переселившийся из Трои (!) на побережье Адриатики (см. обзор источников: Колосовская 1997). Имя этого «бродячего» народа было перенесено на другие «северные» этносы Европы и воспринято германоязычными народами, называющими славян Winden, Wenden и т. п. Может быть, от них был позаимствован прибалтийскими финнами (финск. *venäjä*, эст. *vene* — «русский») и венграми (ср.: Попов 1973. С. 20–24; Хабургаев 1979. С. 97).

Вопрос в том, когда в разные финно-угорские языки попало это заимствование: во времена Тацита и Птолемея (эпоху прибалтийско-финской общности), которые помещали венетов рядом с фенами / финнами (саами?) в Прибалтике, или значительно позднее, после обретения венграми родины в Паннонии и во время немецкого натиска на Восток. Ср. «венетскую» топонимику и «вендов» Юго-Восточной Прибалтики в «Хронике» Генриха Латвийского (XIII в.) и т. п. (ср.: Седов 2002. С. 9–13; Свод, т. 1. С. 132).

Почему этникон *венеты*, не будучи самоназванием славян, надолго закрепился в ономастике Юго-Восточной Прибалтики и славянской «экзонимии»? Помимо общих соображений в области исторической ономастики (ср. употребление этнонимов *скифы*, *сарматы* и т. п. применительно к обитателям северных регионов античной ойкумены вне зависимости от их этноса), в историографии в последние годы активно обсуждается конкретная приуроченность этих этнонимов в позднеантичный период к началу и концу Янтарного пути. Он соединял в античности Венетию Адриатики с Прибалтикой (с Вентспилсом и р. Вента) и интенсивно использовался в первые века н. э. (ср.: Щукин 1998). При этом мифическая «янтарная» река Эридан, отождествленная ранними античными авторами с венетской рекой По, нашла прибалтийский аналог в реке Рудон (Радуня), что позволило перенести имя венетов в бассейн Вислы (ср.: Свод, т. 1. С. 34–35, 57).

Эти позднейшие книжные конструкции делают затруднительными поиски реальных центрально-европейских древностей венетов, что позволило бы объединить венетскую топонимику Адриатики и Прибалтики уже в доантичную эпоху. Ср. попытку увязать древнюю венетскую (иллирийскую?) языковую общность с лужицкой культурой позднего бронзового века (ср.: Хенсель 1988; Трубаев 2002. С. 26)³⁹. Характерно, что Страбон отмечал в

---

³⁹ Еще Л. Нидерле (1956. С. 31 и сл.) сетовал на сложность этнической атрибуции культур «полей погребений» («полей погребальных урн»), к каковым относились лужицкая, ясторф, пшеворская, зарубинецкая, черняховская и другие культуры позднего бронзового — железного веков. Характерной чертой этих культур был погребальный обряд: остатки кремаций захоранивались в урнах на «полях погребений»: над погребениями не сооружали надмогиль-

своей «Географии» (VII, 2, 4): «страны за Альбием (к востоку от Эльбы. — В. П.) у океана совершенно нам неведомы. Мы не знаем никого, кто бы ранее совершил плавание вдоль этих берегов к восточным странам, простирающимся до устья Каспийского моря; также и римляне еще не заходили по ту сторону Альбия; равным образом и сухим путем никто туда не путешествовал».

Более реалистична гипотеза, основанная на определенно датированных археологических свидетельствах контактов между Римом и Юго-Восточной Прибалтикой. Выходцы из дунайских имперских провинций (Паннония, Норик, Реция) занесли на Балтику венетскую ономастику, приписав сам традиционный этникон балтийским торговцам янтарем (Щукин 1998; ср. Curta 2009), или, скорее, сами прибалтийские торговцы восприняли этот этникон на римском лимесе. Тогда этот этникон мог стать известным не только германцам, но и финнам Прибалтики.

М.Б. Щукин сравнил историю подобного рода «блуждающих» этниконов с распространением таких названий, как *русь*, также связанным с транс-континентальным водным путем «из варяг в греки» (ср. также рус. диал. *варяг* — розничный торговец и т. п.: Даль, т. 1. С. 166). Имя *венеты* в таком случае могло характеризовать не собственно этнос, а определенный образ жизни, который и описал Тацит: «венеты... обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами и фенами», подобно кочевникам сарматам, но по культуре ближе германцам, так как строят постоянные жилища и сражаются в пешем строю (Свод, т. 1. С. 39). Та же ситуация характеризует венетов Галлии эпохи галльских войн Цезаря: племена океанского побережья — морины, белги, ремы, нервии, венеты — не относились к народам между кельтами и германцами (ср.: Nachmann, Kossack, Kuhn 1962; Колосовская 1997: 110).

Вероятно, эта подвижность позволяла позднейшим авторам, в том числе составителю Певтингеровой карты (Свод, т. 1. С. 70–71), соотносить вене-дов

ной насыпи (кургана). Попытки отыскать среди культур полей погребений собственно праславянскую продолжают. В.В. Седов связывал с дифференциацией культур раннего железного века распад «древнеевропейской общности», выделение «этносов» кельтов илирийцев, германцев, балтов и славян (Седов 2002. С. 48 и сл.). К праславянам он относит памятники так называемой культуры подклёшевых погребений (урна после кремации накрывалась крупным сосудом — клёшем). Эта культура сформировалась между Одером и Припятским Полесьем и существовала в раннем железном веке (IV–II вв. до н. э.) в процессе проникновения носителей балтской (?) поморской культуры на территорию культуры лужицкой. В польской историографии проблема соотношения поморской культуры и культуры подклёшевых погребений остается предметом дискуссии (см. *Kultura pomorska*).

§ 2. Венеты / вене́ды: историографическая традиция и этногенез славян

с сарматами (вене́ды-сарматы) и дублировать сам этникон, помещая собственно вене́дов к востоку от вене́дов-сарматов на Нижнем Дунае. Та же античная традиция позволяет и археологам, опираясь на находки римских импортов, выделять конкретные «вене́дские» культурные ареалы (ср.: Щукин 1998; ср. Козак 2008 и др.) при общей и вполне естественной невыеявленности тех памятников, которые определенно можно было бы соотносить с вене́дами / венетами — праславянами первой половины I тыс. н. э. «Блуждающий» этникон соответствовал самой этнокультурной ситуации эпохи переселения народов, передвижений не только культур (и этносов) в целом, но и отдельных культурных элементов, в том числе провинциально-римских импортов в лесную балто-славянскую зону (ср. Седов 2002. С. 97 и сл., 350–351; Щукин 2005). Этот переселенческий пафос оставался актуальным и для Иордана — недаром его упоминание славян начинается с характерной цитаты из библейской Таблицы народов (ср. эпиграф к главе): «теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания» (об этом пассаже еще пойдет речь в связи с текстологией «Повести временных лет»).

После выхода в свет «Свода древнейших письменных известий о славянах» (Свод, т. 1–2) последовательный сравнительно-исторический анализ этих известий, продемонстрировавший, в частности, то обстоятельство, что сведения Иордана о собственно венетах восходят к античным источникам и практически не содержат дополнительной информации, привел к еще большим ограничениям в области гипотез о славянском этногенезе. Тацит отличал венетов, певкинов и феннов от германцев и сарматов. Вслед за ним Иордан отнес к венетам те народы, которые населяли пространства между собственно Скифией и германцами, обозначив традиционным книжным этником новый современный ему этнос — славян (и антов) так же, как он именовал и собственно готов более архаичным иллирийским этнонимом — геты. В VII в. франкская «Хроника Фредегара», повествующая о конфликте франков со славянским «государством Само» на Дунае, говорит о славянах (Sclavi), именуемых винидами (Winidi: Свод, т. 2. С. 368–369): общим наименованием славян оказывается уже греко-латинский этникон *склавы* / *склавины*.

Выход именно славян, прозвавшихся «своим именем», а не оставшихся на периферии Европы венетов, на исторический рубеж — дунайскую границу Византии — в VI в. продемонстрировал сложение праславянской этноязыковой общности.

Оглавление

Предисловие	5
Введение Наука истории и миф о происхождении народа: потомки Ноя и потомки «змееногой богини».	12
Глава I Начало русской истории. Славяне и летописная предыстория Руси.	28
§ 1. «Нарци, еже суть словене».	29
§ 2. Венеты / венецы: историографическая традиция и этногенез славян	32
§ 3. Дунай в начальной истории славян. Обретение имени	36
§ 4. Феномен пражской культуры.	48
Глава II Начало Русской земли. «Русь и вси языци».	58
§ 1. Как начиналась Начальная летопись?	58
§ 2. «Кто в Киеве нача первее княжити»?	70
§ 3. Русь и вси языци. Этногеография летописи	85
Глава III Восточная Европа и конец Великого переселения народов. Варяжская и хазарская дань со славян. Хазары, аланы, венгры и русь	91
§ 1. Амазонки между «русами» и песеглавцами: историографический миф о начальной руси.	97
§ 2. Варяжская и хазарская дань со славян	109
§ 3. Хазария, Русь и славяне: контроль над международными коммуникациями	124

Глава IV	Легенда о призвании варягов	137
§ 1.	Призвание варягов: историко-археологический контекст.	140
§ 2.	Первое вече. «Рѣша сами в себе: „Поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву“».	152
§ 3.	«И идоша за море к варягомъ, к руси»	154
§ 4.	«И избѣрашася 3 брата». Сага и история	167
§ 5.	Новгородцы от «рода варяжска»?	180
Глава V	Викинги на Западе и варяги на Востоке. Речные дороги, восточное серебро и происхождение имени «русь»	187
§ 1.	Русь: имя и начало истории	187
§ 2.	Путь из варяг в греки: летописная конструкция и трансконтинентальные магистрали	196
§ 3.	Викинги на западе и русь на востоке: сходство и различие	202
Глава VI	Русский язык и начало славянской письменности	210
§ 1.	«Поляне, яже ныне зовомая Русь»	210
§ 2.	Хронотоп «Сказания о преложении книг на словенский язык»	212
§ 3.	Славяне и Русь: идентификация и самоидентификация в начальном летописании	217
Глава VII	Начало русских городов	227
§ 1.	К проблеме формирования городской сети в Восточной Европе. Легенды и данные археологии	227
§ 2.	Древнейшие русские города и погосты. Полюдь	232
Глава VIII	Начало русского государства и права. От ряда о призвании князей к «Русской Правде»	254
§ 1.	Родовой сюзеренитет Рюриковичей и родоплеменной культ предков	255
§ 2.	Аскольд и Дир — князья или бояре?	257
§ 3.	Вещий Олег: князь или воевода?	260
§ 4.	«Не даны суть словѣном прѣ паволочиты».	269
§ 5.	Был ли Олег Вещим?	275

Оглавление

§ 6. Игорь Старый: князь-волк	277
§ 7. Ольга. От племенного к государственному праву.	284
§ 8. «Русская Правда»: княжое или дружинное право? (Социальная лексика и этнические связи Русского государства) . .	288
Глава IX Погребальный обряд: племенной и государственный культ.	296
§ 1. Погребальный культ в древнерусском язычестве.	296
§ 2. Язычество и представления о посмертной судьбе	299
§ 2. Большие курганы Руси и Северной Европы	313
Глава X Начало русского искусства. Хазарский миф и «Сага о Вёлсунгах» в Приднестровье	332
§ 1. Праславянский период и проблема фигуративного искусства	332
§ 2. Хазарский сюжет и проблемы формирования древнерусского изобразительного искусства в евразийском контексте.	340
§ 3. «Сага о Вёлсунгах» на Руси	354
§ 4. Збручский идол и славянский пантеон	359
Глава XI Выбор веры. «Язычество» и христианство в эпоху крещения Руси.	365
§ 1. Язычество: святилища и древнерусский пантеон	365
§ 2. Выбор веры.	380
§ 3. «Запона» с «судием Господним». Крещение Руси и сюжет Страшного суда.	385
§ 4. Начало христианизации. Древнейшие кресты-тельники и погребальный обряд	398
§ 5. Акты крещения и летописная история	407
Заключение. Начало и конец истории? Древняя Русь и традиции русской культуры.	414
Литература	423
Список сокращений	452
Именной указатель.	454

Рис. 1. Рус приводит китаянку к Александру. Миниатюра. Бухара, 1648. (по: Зайцев 2003. С. 107)

Рис. 3. Тюркский лучник
(Соловьев А.И. Оружие и доспехи.
Сибирское вооружение
от каменного века
до средневековья.
Новосибирск, 2003. С. 137)

Рис. 4. Балтские украшения
с выемчатыми эмальями, подражающие
римским (по: Петрухин 2007. С. 44)

Рис. 9. Призвание варягов: князя сажают в Новгороде, Белоозере и Изборске. Миниатюра Радзивилловской летописи

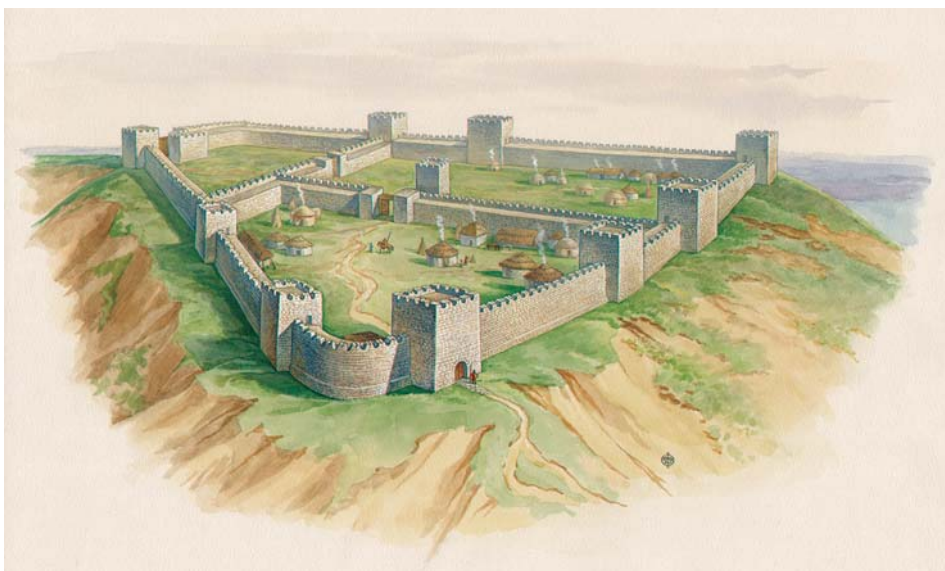

Рис. 12. Правобережное Цимлянское городище. Реконструкция О.В. Федорова

Рис. 15. Печенеги в Белгороде. Миниатюра Радзивилловской летописи

Рис. 19. Корабли норманнов с ковра из Байе
(по: Bernstein D.J. The Mystery of the Bayeux Tapestry. London, 1986. P. 73)